

РЕЦЕНЗИЯ

на выпускную квалификационную работу обучающейся СПбГУ

Козловой Анастасии Вадимовны

по теме «СЕМАНТИЧЕСКИЕ СДВИГИ В РУССКОМ ПЕРЕВОДЕ ИНОЯЗЫЧНОГО ПРАВОВОГО ДОКУМЕНТА (ВСЕОБЩАЯ ДЕКЛАРАЦИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА)»

направление – «Лингвистика»

профиль – «Юридическая лингвистика»

Содержание ВКР в точности соответствует заявленной в названии теме. Она раскрыта полностью. Структура ВКР обоснована изложенными в ней задачами исследования. Все актуальные проблемы, связанные с темой, как теоретического, так и практического характера, отражены. Использована основная отечественная и зарубежная литература по теме исследования, привлечены достижения науки и практики в этой области. Обучающаяся дала в своей работе развернутое обоснование каждого вывода в отдельности, а в конце работы – всех выводов в совокупности. Результаты исследования сведены в удобную обширную трехязычную таблицу (с.96-111). Таким образом, работа вполне доступна читателям с точки зрения языка, стиля (об отдельных мелких погрешностях см. ниже), расположения материала и наглядности таблиц.

К **положительным сторонам** ВКР следует отнести новизну и актуальность материала исследования – Всеобщей декларации прав человека, принятой ООН в 1948 году. Словосочетание *права человека* было прецедентным в передачах «Голоса Америки», радио «Свобода», «Свободная Европа», «Би-Би-Си» и подобных на русском языке. Много говорилось о мнимом и действительном нарушении в СССР прав человека, провозглашенных в Декларации. Как это часто у нас бывает, замеченные недостатки решили искоренить основательно, то есть упразднить само государство СССР как источник нарушений прав человека. Тяжело делало свои первые шаги новое государство, строящееся на основе одной из союзных республик, – Российская Федерация. Некоторые права человека стали выполняться лучше, иные – хуже. В частности, стала нарушаться статья 3-я, гласившая, что «каждый человек имеет право на жизнь, на свободу и на личную неприкосновенность». В последние годы в этом отношении ситуация улучшается. Хуже стала выполняться статья 12-я о неприкосновенности личной жизни, дело касается разнузданного поведения журналистов. Но и с этим новым вызовом СМИ можно будет справиться на правовой основе.

Миллионы носителей русского языка как родного оказались гражданами стран ближнего зарубежья, в отношении которых плохо выполняется ст. 22-я: «Каждый человек, как член общества, имеет право на... осуществление необходимых для поддержания его достоинства и для свободного развития его личности прав в экономической, социальной и культурной областях через посредство национальных усилий и международного сотрудничества и в соответствии со структурой и ресурсами каждого государства». Здесь не совсем ясно по-русски, что такое «национальные усилия», но при любом толковании, скажем, хорошо видно, что к русскому и венгерскому населению Украины они не прикладываются.

Эти и другие коренные изменения в жизни носителей русского языка как родного побуждают еще раз рассмотреть, пересмотреть и выработать новое отношение к Декларации. Начинать следует с лингвистической экспертизы русского перевода. Большой практический вклад в такую экспертизу сделан в рецензируемой работе.

В работе анализируется французский оригинальный текст и его переводы на английский и русский языки. В самом русском языке за 2-3 века интенсивных переводов с французского, особенно в период до англо-русского двуязычия и

преимущественного культурного влияния французского, а не английского языка, сложился свой образ французского языка и свои ожидания текста, в основе которого лежит французских источник. Однако в середине XX века появилась новая трудность – совсем иная политическая система, прерывающая длительную традицию франко-русских языковых контактов.

С опорой на учение проф. В.В. Колесова о концепте рассматриваются только понятийный и символический уровни концепта. Образный уровень, как индивидуальный, не привлекается (с.26). Это верное решение, соответствующее официально-деловому стилю документа. Оно существенно поправляет наши представления об исключительно понятийном характере юридического текста. Обучающаяся исходит из правильной установки, что «важно уметь находить общий язык и учитывать не только понятийный уровень восприятия при общении с представителями иной страны, культуры, но и символический уровень восприятия» (с.8). Приведен злободневный практический пример неудачной метафоры, положенной в основу торговой марки «Канцелярская Мекка» (с.8). Разумеется, символическая трактовка этого сочетания не может обойти прежние устоявшиеся русские устойчивые обороты вроде *канцелярская крыса* или *канцелярская душонка*. Как на беду, требуется та же словоформа ж. рода.

В работе прекрасно показано, что «..текст, получившийся в результате, известный под названием Всеобщая декларация прав человека, имеет разные символические, этнопсихологические варианты прочтения...» (с.10)

На сс. 12-15 излагается непростая история принятия Декларации. При 28-ми «за» делегации Белоруссии, Украины и СССР вошли в число восьми воздержавшихся, поскольку их антиколониальные поправки не были приняты. В основу легли англосаксонские представления об отношении между государством и личностью, при которых государство не обязано гарантировать социальное благополучие личности.

Теоретическим основанием полагается учение Гумбольдта о языке как формирующем органе мысли, а также рассуждения Кассирера о символическом отношении к действительности, возможном только через знаково-символическую природу слов родного языка (с.16).

Излагается и, в целом, правильно применяется методика выявления концепта, разработанная проф. В.В. Колесовым (с.28-29). Это обусловило надежность и достоверность сделанных выводов.

Абсолютное большинство ключевых понятий, выбранных для анализа, выражается в русском языке словами с яркими признаками славянизмов (фонетические, морфологические и словообразовательные признаки славянизмов выделены жирным шрифтом): *пренебрежение, презрение, нужда, власть, средство, необходимо, содействие, условия жизни, всеобщее понимание, просвещение и образование, разум и совесть, имущественное положение, имущество, неприкосновенность, состояние, унижающий достоинство, различие, с соблюдением требований справедливости, гласное судебное разбирательство, преступление, пределы, гражданство/национальность, убеждение, собрание, участие, управление, государственный, обеспечение, обслуживание, условия, взаимопонимание, терпимость, наслаждаться искусством*. Это не может быть простой случайностью. Так же как и к греческим церковным оригиналам, к новороманскому французскому языку наиболее приспособленной оказалась славянская стихия русского языка. О слове *нужда* сказано на с.48. Это же можно сказать и о других славянизмах, представленных выше. Замена греко-византийской на либеральную французскую основу, разумеется, не может происходить без новейших семантических условностей и наведений на славяно-русский носитель смыслов, но сквозь них проглядывают старые: возникает новая символика и новое русское прочтение Декларации, не предусмотренное изначально авторами.

Каждое ключевое понятие проанализировано с точки зрения средств его выражений во французском, русском и английском. Итоги таких миниисследований приводятся в конце подразделов. Например:

«...русское слово *право/права* ближе по значению к латинскому *iustitia* и обладает в своём значении также компонентом ‘справедливость’, в то время как английское *right/rights* и французское *droit/droits* восходят к латинскому *rectus/directus* и обозначают нечто правильное, то есть, соответствующее закону или нормам морали» (с.39).

О *пренебрежении*: «...во французском – ‘неправильное понимание’, в русском – ‘небережливое отношение’, в английском – ‘отсутствие уважения, внимания’» (с.45).

«...французское слово *terreur* оказывается более политически окрашенным и экспрессивным, чем его более сдержанные и нейтральные эквиваленты *страх* и *fear*» (с.47). «Получается, что и русское, и английское слово происходят от модальных глаголов, но русский вариант, происходящий от *нужно*, предполагает влияние извне, в то время как английский вариант связан с внутренней нехваткой, желанием чего-либо» (с.48).

«...компонент ‘власть’ присутствует во всех трёх словах (в русском – прямо, во французском и английском – косвенно, в определениях), однако *régime* и *rule* восходят к одному этимону и родственны понятию права, в то время как русское *власть* образовано от *владеть* и предполагает господство над подвластными» (с.50).

О *разуме и совести*: «Если сравнить это определение с определением слова *raison*, то главное отличие – в том, что *raison* предполагает установление связи человека с миром, а разум – понимание внутренних связей вещей» (с.59).

«Английское и французское понятие *opinion* ограничивается какой-то определённой сферой, по которому у человека может быть мнение или точка зрения; в определении слова *убеждение* такого ограничения нет. Кроме того, если рассматривать множественную форму, *убеждения*, то это как раз точка зрения относительно неограниченного круга вопросов и тем, составляющих человеческое мировоззрение. Помимо этого, *убеждение* – то, в чём человек уверен, что считает справедливым, идея о справедливости. Во французском варианте также имеется компонент ‘идея или совокупность идей’, в отличие от *opinions* в английском языке, которое обозначает всего лишь собственную мысль, догадку» (с.77).

Если в основной массе передачи ключевых понятий на трех языках обнаруживаются различия на символическом уровне, то в двух случаях (*условия жизни* и *наслаждаться искусством*) выявлены различия и на понятийном уровне (с.96). Из этого следует один важных практический вывод: необходима новая редакция русского перевода.

Считаем необходимым отметить, что успех настоящей работы связан с основным источником, привлекаемом для анализа добытого, в исследуемом материале текста, предмета, - «Словарем русской ментальности». Анализ рассматриваемых лексем произведен в нем столь точно и ярко, что позволяет результативно обследовать такие важные переводные документы, как «Всеобщая декларация прав человека». Таким образом, работа показывает надежность и существенность применения «Словаря...» к тем текстам, которые первоначально его объектом не служили.

Все наблюдения и выводы рецензируемой магистерской диссертации достоверны и хорошо аргументированы, поэтому существенных замечаний не вызывают.

Вопросы обучающейся.

1) Учение проф. В.В. Колесова о концепте использовано в работе достаточно, но не полностью. В частности, представляется, что материал вполне позволяет углубить выводы за счет использования схемы 4-х причин Аристотеля-Лейбница-Колесова. Так, русское понятие <всеобщего> (с.33-34) представлено в русском языке идеей ‘для всех’,

то есть целевой причиной, предназначенностью (для кого?), французское понятие <universal> представлено условной причиной (как?), в английском понятии выдвигается причинная причина (почему? – старый английский и новый американский философский реализм). Возможно ли проанализировать это и другие ключевые понятия Декларации с точки зрения четырех типов причин и если возможно, то какие именно?

2) Когда мы обследуем язык того или иного документа, особенно в отношении выражаемых в нем концептов (в понимании проф. В.В. Колесова), чрезвычайно важно предварительно рассмотреть детали его происхождения, мотивы и цели создания, вклад того или иного соавтора, внесенные или оставленные без внимания поправки. Этот вопрос затрагивается в работе, но, как кажется, недостаточно. Принятие готового текста для механизма его создания не столь существенно, хотя, конечно, показывает начало эпохи «железного занавеса». Истоком идеи Декларации были просветительские представления о *естественном праве* человека, связанные с французскими гуманистами XVIII века. Рассмотрена внешняя официальная сторона подготовки документа: «Была создана Комиссия, которая начала разрабатывать «предварительный проект международного билля о правах человека», а позднее – сформирован формальный редакционный комитет, который включал в себя представителей государств, «отобранных на основе принципа справедливого географического представительства» – США, Китая, Ливии, Австралии, Чили, Франции, СССР, Великобритании и Канады» (с.12). Но ведь, как часто бывает, как далека эта внешняя усредненная сторона от реальной истории создания документа!

Скажем, здесь упоминается и Китай. Нам важно, что единым представителем Китая в то время мог быть только кто-нибудь из тайваньцев, поскольку ООН в то время признавала в качестве единственного официального представителя всего Китая Китайскую республику (Тайвань) во главе с Чан Кай-ши. Во время II Мировой войны Тайвань входил в состав Японской империи, будучи ее колонией, и тайваньцы вынуждены были воевать на стороне Японии. Тайваньцы набирались даже в такие части, как камикадзе.

Представитель Китайской республики (не Китайской *народной* республики) драматург и дипломат Чжан Пэнчунь (до войны жил в материковом Китае и в США) сыграл определяющую роль при разработке французами и Элеонорой Рузвельт, вдовой президента, текста Декларации. «Чжану удалось добиться максимально нейтральных формулировок, которые не вызывали бы отторжения у незападных стран. По его требованию, из Всеобщей декларации был исключен текст о Боге и о природе. Настоял на включении в текст некоторых элементов китайской философии, в том числе на конфуцианской добродетели «жэнь» (кит. 仁) — то есть человеколюбия или гуманности — в первой статье декларации» (https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A7%D0%B6%D0%B0%D0%BD_%D0%9F%D1%8D_%D0%BD%D1%87%D1%83%D0%BD%D1%8C, дата обращения 27 мая 2018). Велика должна быть и арабская составляющая, поскольку в создании документа активную роль сыграл ливанский философ Шарль Малик.

Не желает ли в ближайшем будущем г-жа обучающаяся обследовать франко-, англоязычную литературу вопроса, проделать и собственную лингвистическую экспертизу оригинального текста Декларации на предмет установления авторства той или иной статьи, тех или иных оборотов речи, в конце концов вошедших в последнюю редакцию документа? Вряд ли Элеонора Рузвельт предлагала французские формулировки, следовательно, должны быть места французского текста, переведенные с английского. Подробная история создания документа прольет свет на понятийные и символические его составляющие. Нельзя ли по зарубежной и отечественной литературе вопроса поименно установить переводчиков на русский и место, где они работали? Похоже, что это были русские американцы или русские французы, а не советские товарищи, помощники Вышинского. Так ли это?

Стилистические погрешности (подчеркивания мои – Д.Д.):

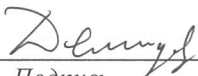
«Спустя 15 лет после вынесения приговора по делу об убийстве Тимоти Эвансом своих жены и ребёнка Свартвик провёл лингвистический анализ текста его признательных показаний и доказал, что они показания не могли быть продиктованы самим Эвансом» (с. 7). По нормам современного русского языка (не делового языка XVII века) требуется либо поставить запятые (... , показания,...), либо убрать слово *показания*.

«Несмотря на то, что попадая в юридический документ, такие слова терминологизируются, они всё равно понимаются обычными носителями языка, не являющимися специалистами в области юриспруденции, согласно их «наивной» картины мира, то есть, в своём общем, неспецифическом значении» (с.22). Нарушение управления: Р. вм. Д. падежа: *согласно... картине...*

«Несмотря на то, что слово *люди* – на первый взгляд всего лишь множественное число слова *человек*, эти два слова образованы от разных основ неспроста» (с.42). В устной академической речи наречие *неспроста* еще позволительно, в письменной, особенно жанра магистерской ВКР, – нет. Здесь требования к стилю даже строже, чем в свободной научной журнальной статье.

Поставленные вопросы и замеченные мелкие стилистические погрешности ничуть не влияют на положительные и целиком самостоятельные результаты исследования. Работа заслуживает высокой оценки, а ее автор, Анастасия Вадимовна Козлова, присвоения степени магистра филологии по направлению «Лингвистика».

«27» мая 2018г.

Подпись

Д.Г. Делмугов
ФИО

